

ПОЛЯРНАЯ
КЛАССИКА

Фритъф Нансен, 1889 г.

Фритьоф Нансен
НА ЛЫЖАХ ЧЕРЕЗ
ГРЕНЛАНДИЮ

ЖИЗНЬ
ЭСКИМОСОВ

Предисловие Виктора Боярского

Paulsen
2021

УДК 910.4:397
ББК 26.8д(0)
Н25

Серия «Полярная классика»

Текст публикуется по изданию:
Нансен Ф. На лыжах через Гренландию. Жизнь эскимосов;
перевод с норв. М. П. Дьяконовой / собрание сочинений.
Л. : Изд-во Главсевморпути, 1937. – 404 с.

Н25 Нансен, Фритъоф

На лыжах через Гренландию. Жизнь эскимосов / Ф. Нансен;
предисл. В. Боярского. – Москва : Паулсен, 2021. – 304 с., ил.

ISBN 978-5-98797-302-8

В 2021 году мир отмечает 160-летие со дня рождения Фритъофа Нансена и 100-летие его гуманитарной миссии – в качестве Верховного комиссара Лиги Наций он организовывал международную помощь голодающим Поволжья. К этим датам издательство «Паулсен» приурочило переиздание очередной книги выдающегося полярного исследователя, почетного члена Русского географического общества, награжденного Константиновской медалью РГО (1897), о его экспедиции в Гренландию в 1888–1889 гг. Нансен блестяще справился с поставленной задачей: стартовав на восточном побережье, спустя два месяца он достиг Готхоба на западном берегу острова, где прожил полгода среди эскимосов, изучая их нравы и традиции, – этому посвящена вторая часть книги, «Жизнь эскимосов».

Фото на контртитule: Ф. Нансен, 1889 г.
Национальная библиотека Норвегии

УДК 910.4:397
ББК 26.8д(0)

ISBN 978-5-98797-302-8

© ООО «Паулсен», 2021

Редактор: Ольга Петрова
Макет: Наталья Гриц
Верстка: Марина Аветисян
Корректор: Елена Шичкова
Обработка иллюстраций: Владимир Беляев

Издательство «Паулсен». 107031, Москва, Звонарский пер., 7
Тел. +7 (495) 624-86-05. www.paulsen.ru

Подписано в печать 30.08.2021.
Формат 70x100/16. Бумага офсетная. Печать офсетная. Тираж 750 экз.

СОДЕРЖАНИЕ

Нансен. В поисках иных берегов.....	7
Предисловие редактора первого издания.....	19
Подготовка Гренландской экспедиции.....	23

НА ЛЫЖАХ ЧЕРЕЗ ГРЕНЛАНДИЮ

План путешествия	40
Путешествие в Исландию.....	47
На «Ясоне».....	53
Через дрейфующий лед.....	59
Эскимосы	73
Дальше на север	87
Подготовка к лыжному походу	97
Мы покидаем восточный берег.....	107
Однообразный трудный путь. Буря на материковом льду	120
Полным ходом под парусами.....	133
Вниз с материкового льда	140
В «лодке-половинке»	148
Готхоб.....	155
Четверо покинутых.....	160

ЖИЗНЬ ЭСКИМОСОВ

Предисловие автора	170
Гренландия и эскимос	172
Внешний вид и одежда	175
Каяк и его снаряжение.....	181
В море.....	194
Зимние дома, палатки. Женские лодки и поездки	207
Приготовление пищи и лакомства	213
Характер и социальные условия.....	217
Положение женщины и работа.....	224
Любовь и брак.....	232
Мораль.....	236
Судопроизводство, танцы под барабан и развлечения	242
Одаренность. Чувство прекрасного. Литература	245
Религиозные представления и суеверия.....	255
Европейцы и эскимосы	283
Чего мы достигли.....	291
Заключение.....	299

НА ЛЫЖАХ
ЧЕРЕЗ
ГРЕНЛАНДИЮ

План путешествия

Летом 1882 года мы оказались затертыми льдами на норвежском китобойном судне «Викинг» у тогда еще неизвестной части Восточной Гренландии, около 67° с. ш. Мы оставались в плену у льдов в течение 24 суток и с каждым днем все приближались к гористому берегу, дрейфуя со льдом. Там, за плавучими льдами, когда солнце, совершая свой круговорот по небу, касалось их и зажигало пожаром воздух и облака за ними, их дикая красота проявлялась еще больше. Неудивительно, что не раз в течение дня с верхушки грот-мачты я направлял бинокль на запад, и весь этот неведомый мир притягивал и манил мою юную душу.

Я постоянно размышлял над планами достижения этого берега, к которому столь многие напрасно стремились, и пришел к выводу, что до него возможно добраться если не через лед при помощи судна, как это пробовали делать уже раньше, то, во всяком случае, по льду, таща лодки за собой.

Я даже хотел сейчас же сделать попытку пройти одному на берег по льду, но встретил препятствие в лице капитана, который при данных обстоятельствах не находил возможным, чтобы кто-нибудь покидал корабль на продолжительное время.

Однажды осенним вечером, год спустя (значит, в 1883 году), я сидел и довольно равнодушно слушал, как читалась вслух газета. Вдруг мое внимание остановила телеграмма, сообщавшая о том, что Норденшёльд благополучно вернулся из своей экспедиции вглубь Гренландии, что там он не нашел никаких оазисов, а лишь бесконечные снежные пространства, где двое его лопарей обнаружили удобную для лыж поверхность и прошли за короткое время невероятно большое расстояние.

Как молния пронеслось в моем мозгу: экспедиция на лыжах через Гренландию от одного берега до другого! Скоро был готов план, который позднее был выполнен.

Гренландия отличается от других стран северного полушария тем, что вся ее внутренняя часть покрыта огромным, занесенным снегом ледником, внутриматериковым льдом площадью

больше миллиона квадратных километров. Он покрывает сушу точно так же, как когда-то, много тысяч лет тому назад, снег и лед покрывали всю Норвегию, Швецию и Северную Европу. Прошло уже 10 тысяч лет и даже больше с тех пор, как в последний раз такой громадный ледник лежал над нашей страной.

Побережье Гренландии большей частью не покрыто льдом, и этот свободный от ледника пояс шире вдоль западного и юго-западного берегов, где узкие и глубокие фьорды врезаются далеко вглубь страны среди высоких гор, совсем как в Западной Норвегии. Но если пройти дальше вдоль этих фьордов, то рано или поздно везде встретишь по большей части в одной или двух сотнях километров от морского побережья бесконечные снежные и ледяные пространства, под которыми исчезает вся суша. Этот материковый лед спускается громадными ледниками в воду в вершине фьордов.

Здесь ледники «телятся», и родившиеся таким образом большие ледяные горы выносятся в море, дрейфуют через море Баффина и Девисов пролив на юг вдоль Лабрадора и восточного берега Ньюфаундленда и затем выходят в Атлантический океан, становясь грозной опасностью для всех судов, могущих столкнуться с ними в тумане и темноте.

Первыми людьми, пришедшими много тысяч лет тому назад в Гренландию, были эскимосы. Они поселились вдоль побережья и жили охотой на морского зверя – по большей части на тюленя, а также моржа и кита.

Уже более тысячи лет тому назад земля эта была открыта норвежскими мореплавателями, и норвежцы и исландцы во главе со своим вождем, замечательным норманном Эриком Рыжим, обосновались в двух поселениях, Эстербюгде и Вестербюгде¹, во фьордах западного и юго-западного побережья в конце X столетия и в течение 500 лет жили там. Как свидетельствует древняя норвежская книга «Королевское зеркало», наши гренландские родичи хорошо знали природу своей страны. В книге, например, говорится, что свободным ото льда является только то место, где живут люди, – а это небольшое пространство земли вдоль самого побережья. Однако во многих местах люди пытались забираться на самые высокие горы,

---

¹ Восточное (Eystribyggð) и Западное (Vestribyggð) поселения.

чтобы посмотреть, нет ли обнаженной ото льда и годной для жизни земли дальше внутрь страны, но не нашли ничего. А так как вдоль обнаженного побережья встречались олени и другие животные, то думали все же, что в том или ином месте, в долинах в глубине страны, а может, и вдоль берегов, в этом бесконечном ледяном покрове должно существовать открытое пространство, где и отыскивали дорогу животные.

За протекшие годы возникали различные мнения о внутренней части Гренландии. Эскимосы думали, что она населена разными огромными духами, — об этом будет рассказано подробнее в «Жизни эскимосов». Среди северян, знакомых с этой страной, было широко распространено мнение о том, что внутри она покрыта материковым льдом; но иные полагали, что за этим льдом есть обнаженное пространство и даже леса. Идея существования обнаженной земли внутри страны поддерживалась профессором А. Норденшёльдом, пытавшимся научно доказать, что так оно и должно быть и что за огромным ледниковым щитом, который встречался повсюду, должен находиться обнаженный участок с более мягким климатом.

Изучение внутренней части этой удивительной страны представляло большой научный интерес, так как, помимо всего прочего, позволило бы лучше понять условия, бывшие в нашей собственной стране и Северной Европе в те времена, когда она была покрыта подобным же внутриматериковым льдом.

Было сделано также много попыток пересечь этот материковый лед от одного берега до другого; но ни одна из них не удалась. Глубже всех внутрь Гренландии проник Норденшёльд во время своей экспедиции летом 1883 года.

Как упоминалось, мне стало ясно, что экспедиция норвежских лыжников сможет пройти от одного берега до другого через эту снежную пустыню; но для успеха имело большое значение, с какой стороны отправиться.

Прежние попытки делались в направлении с населенного западного берега на восточный, который окружен льдами, дрейфующими здесь в море в течение большей части года и препятствующими судам подходить к берегу. Экспедиция, вышедшая с запада на восток, не могла бы рассчитывать, что она найдет убежище на восточном берегу или что ее заберет оттуда судно;

она должна будет, если ей удастся пересечь Гренландию, идти обратно тем же путем к западному берегу, то есть проделать двойной путь.

Если же можно будет пробраться через дрейфующий лед, высадиться на негостеприимном восточном берегу и оттуда отправиться через внутриматериковый лед, то придется пройти путь до населенного западного берега всего лишь один раз. К тому же, когда путешествие уже начнется, позади будут сожжены все корабли, и для сохранения своей жизни и возвращения домой необходимо будет дойти до населенных мест на западе во что бы то ни стало; иного выбора не будет, а это всегда сильный стимул в действиях человека.

Я считал, что лучше всего постараться достичь большого фьорда Сермилик² к западу от Ангмагссалика на 65°35' с. ш., где живет довольно много эскимосов, а затем пройти – или с верховий этого длинного фьорда, или с берега западнее, где материковый лед доходит до побережья, – через внутриматериковый лед на лыжах, таща с собой провиант, палатку и спальные мешки на санях. Курс нужно будет взять к северо-западу, к колонии Кристиансхоб в заливе Диско, где край внутриматерикового льда подходит близко к морю и где, судя по всему, можно найти легкий спуск. Расстояние, которое придется пройти по прямой, около 600 километров. Таков был намеченный план, опубликованный в январе 1888 года.

План подвергся сильным нападкам со стороны различных авторитетов, заявлявших, что проект совершенно неосуществим; в особенности критиковалась неосторожность в сжигании за собой кораблей: обязанностью – де хорошего начальника всегда является обеспечение надежной линии отступления, так как без этого его люди не смогут идти вперед с доверием. Мое же мнение было таково: линия отступления – опасное препятствие для людей, желающих достичь своей цели, так как в выполнение этой задачи нужно вложить все, а не терять драгоценного времени и не оглядываться назад тогда, когда более чем необходимо смотреть вперед.

---

² Гренл. Sermiligaaq – «прекрасный ледяной фьорд». Также поселение в коммуне Сермерсоок, на юго-востоке Гренландии с числом жителей 216 чел.

Я предполагал выполнить путешествие на свои собственные средства; но, будучи к тому вынужден, обратился к университету за поддержкой в сумме 5000 крон.

Несмотря на энергичную рекомендацию со стороны университета, правительство отказалось сделать что-либо. И когда Августин Гамель в Копенгагене телеграфно предложил деньги, я принял его благородное предложение.

Хотя план был назван чистым безрассудством, нашлось достаточно людей, желавших принять в нем участие. Я выбрал Отто Свердрупа, 33 лет, бывшего ранее капитаном судна, Олафа К. Дитриксона, 32 лет, тогда пехотного премьер-лейтенанта, и Кристиана Кристиансена Трану, 24 лет, крестьянина из Стейнхьэра.

Предполагая первоначально забрать с собой в качестве упряжных животных нескольких оленей, я взял из Карашока³ в Финнмарке двух лопарей: Самуэля Иоханнесена Балто, 27 лет, и горного лопаря Оле Нильсена Равну, 46 лет. Вникнув в дело глубже, я, однако, не счел разумным брать в путешествие оленей, и потому уменье этих двух лопарей обращаться с ними так и не было использовано.

Я договорился с владельцем парохода «Ясон» из Саннефьюра и его капитаном Мауритсом Якобсеном, что судно возьмет нас в Исафьорде или Дюрафьорде в Исландии в первых числах июня 1888 года, когда оно пойдет на юг по пути с тюленьего промысла в водах Ян-Майена на промысел тюленя-хохлача в Датском проливе, и доставит нас к восточному берегу Гренландии или к дрейфующему льду возле него.

---

³ Карашок – административный центр норвежской провинции Финнмарк, один из главных центров проживания саамов.

Состав экспедиции. Слева направо: Оле Нильсен Равна, Отто Нейман
Свердруп, Фритъоф Ведель-Ярлсберг Нансен, Кристиан Кристиансен Трана,
Олаф Кристиан Дитриксон, Самуэль Иоханнесен Балто.
Национальная библиотека Норвегии

ЖИЗНЬ ЭСКИМОСОВ

В море

Охота с помощью каяка таит в себе много опасностей.

Отец погиб в море, брат и друг часто тоже – а все-таки эскимос ежедневно берется за свое дело как в бурю, так и в тихую погоду. Если буря чересчур велика, то, возможно, он выходит неохотно; опыт научил его, что в такую погоду многие погибают. Но, очутившись в море, он спокойно плывет вперед, как будто все это ему вполне безразлично.

Охота в каяке – чудесный спорт, это заманчивая игра с морем и со смертью. Человек в каяке бросается навстречу огромным морским волнам, готовым поглотить его, – более величавого зрелища нельзя себе вообразить!

Или вот эскимосы застигнуты непогодой в море, и им нужно выбраться на берег – как черные буреветники, несутся они со страшной быстротой сквозь непогоду и волны, обрушивающиеся на них; весла мелькают то в воде, то в воздухе, тело наклонено немного вперед, голова часто поворачивается назад, чтобы следить за волнами; все – жизнь и отвага. А кругом бушует море. Может случиться, что среди этой безумной потехи вынырнет тюлень. С быстротой молнии выхватывается гарпун и уверенно летит сквозь пену волн. Тюлень уходит с пузырьком, но скоро он достигнут и убит; снова гребец устремляется вперед, таща за собой тюленя, – и все с той же неподражаемой ловкостью, все с таким же спокойным лицом и без единой мысли о том, что совершается подвиг. Здесь он велик. Мы жалки в этих условиях.

Последуем за эскимосом на охоту.

За несколько часов до зари он уже стоит на наблюдательной горе над своим поселком и смотрит в море – не предвидится ли благоприятной погоды. Выяснив это, он не спеша спускается к дому и вынимает каячную одежду. В добрые старые времена глоток воды заменял ему завтрак; теперь, когда европейская избалованность коснулась и эскимоса, его завтрак часто состоит из одной-двух чашек крепкого кофе. Утром он не ест, так как считает, что в каяке удобнее плавать натощак и без пищи лучше

себя чувствуешь. С собой он тоже не берет ничего съестного, только немного жевательного табаку. Когда каяк поставлен у берега и в него уложено снаряжение, эскимос залезает в отверстие каяка, укрепляет одежду вокруг кольца и выходит в море. В то же время из других хижин поселка выходят еще несколько человек. Сегодня предстоит охота на хохлача, и место охоты расположено в двух милях, на банках в открытом море.

Погода тихая, по гладкой поверхности моря проходят длинные волны, набегающие на островки; над проливами, по которым идут каяки, лежит еще легкая дымка, а морские птицы на водной поверхности кажутся вдвое больше. Каяки, идя бок о бок, с плеском рассекают воду; весла мерно движутся, а люди беседуют друг с другом и время от времени раздражаются веселым смехом. Играючи то один, то другой мечет стрелу для птиц; это для упражнения глаза и руки. Вот к одному подлетает гагарка, по воздуху проносится стрела, и пронзенная птица бьется, стараясь нырнуть, но уже в следующее мгновение она на острие стрелы; ее срывают, переламывают птице шею, крепко схватив зубами за клюв, и затыкают добычу сзади за ремень каяка.

Скоро эскимосы проходят проливы и островки и устремляются в открытое море. Гребя так несколько часов, они наконец прибывают на место охоты. В разных направлениях над водой виднеются большие головы тюленей, и охотники рассеиваются в поисках добычи.

Боас, один из лучших местных охотников, увидел вдали большого хохлача и направляется к нему, но тот нырнул; охотник остановился и ждет, когда тюлень снова покажется. Вот! Немного поодаль виднеется его темная круглая голова. Охотник пригибается и беззвучными, осторожными движениями весла приближает каяк к тюленю, который спокойно и беззаботно лежит, вытягивая голову, и качается на волнах. Но вдруг тюлень настораживается: он заметил блеск движущегося весла и рассматривает его большими круглыми глазами. Он притаился, лежит не двигаясь, а каяк продолжает беззвучно скользить вперед от полученного толчка. Тюлень не видит больше ничего подозрительного и обретает прежнее спокойствие. Он закидывает голову назад, подняв морду кверху, он купается в утреннем солнце, от которого блестит его темная мокрая шкура. Между тем каяк

быстро приближается; каждый раз, как тюлень смотрит в его сторону, Боас замирает, но стоит тюленю отвернуть голову, как охотник несется вперед стрелой. Вот он приблизился, готовит гарпун, проверяет, лежит ли лить на стойке как следует; еще немного – и наступит момент, но тюлень спокойно исчезает под водой. Он не был напуган, а потому вынырнет, конечно, где-нибудь поблизости.

Охотник остается на месте и ждет. Но времени проходит много, такой тюлень может находиться под водой невероятно долго, а еще дольше это кажется тому, кто ждет своей добычи. Впрочем, у эскимоса завидное терпение; двигая только головой, поворачивая ее в разные стороны в поисках тюленя, он остается совершенно неподвижным. Наконец неподалеку от каяка голова тюленя снова показывается над водой. Охотник осторожно поворачивает каяк, чтобы тюлень его не заметил, и снова идет к нему по зеркальной глади. Но вот тюлень увидел охотника, пристально посмотрел на него и нырнул. Однако охотник знает привычки тюленя; он стрелой несется к тому месту, где тот исчез. И правда, не проходит и нескольких мгновений, как тюлень высовывает голову, чтобы взглянуть. Но теперь он в пределах досягаемости охотника; выхватывается гарпун, заводится назад, еще одно сильное движение – и, как выпущенный стальной пружиной, летит он с метателя, увлекая за собой извивающийся ремень. Тюлень делает сильный прыжок, но в ту самую секунду, когда он изворачивает спину, чтобы исчезнуть, сбоку его настигает гарпун и вонзается в него по самую рукоятку. Несколькими ужасными ударами задней части туловища тюлень вспенивает воду и уходит вниз, таща за собой в глубину ремень.

Тем временем Боас, держа в зубах метатель, с молниеносной быстротой выбрасывает из каяка пузырь; пузырь пляшет по поверхности воды, время от времени грозя уйти под воду, – да скоро и уходит в нее. Но сейчас же показывается снова; теперь за ним приходится нестись с такой быстротой, на какую только способны увлекающие за собой каяк весла. По пути Боас подбирает всплывшую рукоятку от гарпуна. Копье приготовлено для удара. В следующее мгновение хохлач всплывает; он в бешенстве, что не может уйти, и обращается против своего преследователя, бросается сначала на пузырь, рвет его и терзает. Но вот

тюлень прямиком идет на каяк. Боас весь внимание; зверь сгибает спину, бросается вперед с открытой пастью, поднимая каскады брызг. Промаях теперь может стоить жизни, но охотник уверенно поднимает копьё и с силой вгоняет его в пасть животного, пробивая ему затылок. Зверь сражен, голова его опускается, но в то же мгновение он стоймя поднимается в воде; изо рта потоками хлещет кровь, он грозно разевает пасть, издавая заглушенный рев, над носом раздувается мешок. Хохлач трясет головой, рукоятка копья бьется и болтается, но зверю не удается ни сломать ее, ни избавиться от нее. В следующее мгновение Боас забивает другое копьё за передними лапами через легкое и сердце, тюлень безжизненно опускается – бой окончен.

Охотник подплывает к тюленю и, так как тот все еще движется, ножом с длинной рукояткой наносит последний удар. Теперь Боас спокойно вытаскивает свои копьё, кладет их на каяк, вынимает буксирный ремень и буксирный пузырь и, надув его, прикрепляет к тюленю; острие гарпуна вырезается и снова укрепляется на рукоятке, лишь сворачивается вокруг каячной стойки, пузырь кладется на место за спиной охотника. Предназначенным для этого ремнем он обвязывает передние лапы тюленя так, чтобы они крепко прилегали к телу, а буксирным ремнем привязывает зверя к боку каяка, чтобы легче было тащить: голову – к передней паре ремней на палубе каяка, а заднюю часть туши – к последней, за спиной охотника.

Теперь Боас готов и может оглядеться вокруг, ища новой добычи. Ему везет, и немного погодя он замечает другого хохлача. Сразу же он освобождает себя от первой добычи, оставляя ее плавать на поверхности воды на буксирном пузыре, а сам снова начинает охоту. Потратив некоторое время на преследование зверя, на напряженное выжидание, он убивает еще одного хохлача, берет его на буксир и возвращается к первому. Оба больших зверя привязаны по обеим сторонам каяка. Конечно, добыча хорошая, и охотник плывет не торопясь, но ничто не мешает ему поймать еще нескольких тюленей. Как только что-нибудь попадется ему на пути, он сейчас же отвязывает прежнюю добычу, а поймав еще, привязывает и эту. Таким образом один охотник может буксировать до четырех хохлачей, а в случае необходимости даже и больше.

Между тем Тобиас, другой ловкий охотник поселка, не был так удачлив, как Боас. Сперва он начал охоту за одним тюленем, но тот нырнул и не показался снова в поле зрения. Позднее охотник увидел другого, но пока эскимос подходил к нему, рассекая водную поверхность, вдруг прямо перед каяком вынырнула огромная голова тюленя¹², и в то же мгновение в него вонзился гарпун. Со страшным всплеском тюлень уходит вниз, гарпунный линь разматывается, но при этом застревает под метателем стрелы для птиц. С непреодолимой силой передний конец каяка втягивается в воду. Не успеваешь Тобиас опомниться, как он уже с руками в воде, виднеются лишь его голова да задний конец каяка, торчащий прямо из воды. Похоже на то, что тут дело кончено. Находящиеся поблизости эскимосы изо всех сил гребут к товарищу, однако мало надежды подоспеть вовремя и спасти его.

Но Тобиас – превосходный гребец. Несмотря на всю трудность положения, он удерживает лодку прямо, пока тюлень тащит его по воде, стремясь затянуть совсем, а каяк поднимает вокруг фонтаны брызг. Но вот тюлень показывается снова; тут охотник хватается свое копьё и поражает тюленя стремительным ударом, пронзив ему голову насквозь; еще одно слабое движение – и зверь мертв. Остальные каячники подплывают уже тогда, когда Тобиас привязывает добычу¹³. Они никак не могут скрыть своего восхищения такой спокойной находчивостью и долго еще говорят об этом. Тобиас и Боас вообще лучшие охотники поселка. Мне о них рассказывали, что в юности они были столь ловки, что даже пренебрегали пузырями; только обвязывали гарпунный линь вокруг пояса или вокруг каячного кольца и, когда попадали гарпуном в тюленя, а тот не бывал убит на месте, давали тюленю уходить, таща их и каяк за собой вместо пузыря. Гренландцы считают это высшей формой охоты, которую освоили лишь немногие.

До сих пор была прекрасная погода. Колышающаяся морская гладь блестела в лучах восходящего солнца, но за последние часы на юге по краю неба постепенно стали собираться грозные тучи.

---

¹² Это был взрослый самец-хохлач, с мешком над носом, который может раздуваться до поразительных размеров. – *Прим. авт.*

¹³ Когда тюлень пойман, все каячники, находящиеся поблизости, получают свой кусок сала, который в таком случае тут же обычно и съедают. – *Прим. авт.*

Только Тобиас закрепил пойманного тюленя, как послышался шум волн, и в южном направлении над морем показалось нечто похожее на дым. Это приближается шторм, дымок этот – морские брызги, которые ветер гонит перед собой. Из всех ветров гренландцы больше всего страшатся южного шторма (нигек), он всегда бывает чрезвычайной силы и поднимает огромные волны.

Нужно как можно скорее добраться до земли. Те, кто не тащит с собой тюленя, могут быстро двигаться вперед, но эскимосы стараются держаться все вместе. Товарищ освобождает Боаса от одного из хохлачей. Не пришлось долго грести, как шторм уже разразился. Он вспенил воду, и каячники чувствовали его за собой как великана, подымавшего их и кидавшего вперед. Начинается серьезная игра, еще немного – и волны вздымаются, как водяные горы, обрываются и обрушиваются под каяками. Эскимосы плывут к земле; ветер дует почти поперек их пути, а до берега еще далеко, из-за брызг ничего не видно вокруг; только несколько голов, руки и концы весел показываются над пенистыми гребнями.

Приближается огромный вал; видно уже на далеком расстоянии, как мелькает что-то черное и белое. Все вздыбилось, неба почти не видно; в одно мгновение гребцы засунули весла за ремень с наветренной стороны, пригнулись, и вал обрушился на их спины. На секунду все исчезло. Те, кого еще не настигла волна, ждут с волнением: сейчас придет их черед. Вал прокатывается, и каяки снова режут воду, стремясь вперед, как и раньше. Но такой вал не приходит один; следующий будет еще хуже. Гребцы кладут весла вдоль каяков с наветренной стороны, снова пригибаются вперед, и в то мгновение, когда белый каскад с грохотом обрушивается на них, сами переворачиваются под него – это несколько уменьшает силу волны. На мгновение все исчезает опять, но вот, выправившись, выныривает один каяк, немного спустя появляется другой дном вверх – это перевернулся Петерссуак (Большой Петер). Товарищ спешит на помощь, но в эту минуту на них обрушивается третий вал – приходится заботиться о самом себе. Но поздно: оба каяка бьются, плавая вверх дном! Второму эскимосу удастся, однако, выправиться самому; его первая мысль – о товарище, и он снова спешит ему на помощь. Он ставит свой каяк вдоль его каяка, кладет весло поперек

обоих, нагибается, находит под водой руку товарища и рывком тащит его вбок. Теперь и тот хватается за весло и тотчас же выпрямляет каяк. Куртка слегка соскочила с кольца с одной стороны, и в каяк набралось воды, но ее не так много, и эскимос вполне может справиться. Между тем подоспели и другие, им удается поймать упущенное весло, и можно продолжать путь.

Тем, кто буксирует добычу, становится все труднее и труднее, они сильно отстают, а большие тюлени бьются и ударяются о края каяка. Охотники подумывают уже о том, чтобы отказаться от добычи, но самые тяжелые волны уже прокатились, и потому эскимосы решают подождать еще немного. Самый счастливый момент в жизни охотника – когда он гордо возвращается домой с добычей, а жена его и дети встречают на берегу, и на лицах их светится радость. Мысленно он видит это еще в море и радуется, как ребенок. Неудивительно, что эскимос неохотно расстаётся с пойманной добычей.

Много огромных валов обрушилось на гребцов, но вот наконец они подходят ближе к земле. Здесь они немного защищены группой островов, лежащих далеко к югу, волны здесь не так громадны; постепенно становится все легче и легче, и каякам удается плыть домой быстрее.

А дома женщины в страшной тревоге! Когда налетел шторм, они кинулись на наблюдательную гору, на мысы, толпясь здесь и с тревогой вглядываясь в бушующее море, ища сыновей, мужей, отцов и братьев. Тут стояли они и мерзли. Глаза расширились от страха; но вдруг женщины заметили гребцов в каяках, казавшихся на горизонте черными точками. По всему поселку проносится радостный крик: «Они едут! Они едут!» Начинают считать, сколько их; не хватает двоих – нет, вот один – нет, нет, все здесь! Все здесь!

Вот женщины начинают узнавать отдельных гребцов, отчасти по способу гребли, отчасти по каякам, хоть и различают их только в виде маленьких точек. Вдруг раздаётся дикий радостный крик: «Боарсе калигпок!» («Боас буксирует!») – его узнали по росту. Эта радостная весть несется из дома в дом, дети прыгают и кричат об этом в окна, а толпа на горе пляшет от радости. Слышится новый возглас: «Ама Тобиарсе калигпок!» («Тобиас буксирует тоже!») И эта новость тоже передается из дома

Молодой охотник-эскимос в каяке

Охотники Боас и Тобиас

в дом. Но вот раздается: «Ама Симо калигпок!!!», «Ама Даве калигпок!!!» Теперь женщины снова высыпали из домов на гору; они всматриваются в море, где белеют разбивающиеся у островков и шхер белые волны и где время от времени далеко в море, среди катящихся масс воды, показываются одиннадцать темных точек, подходящих все ближе и ближе...

Наконец первые каяки входят в бухту перед поселком: это те, у которых нет тюленей; легко и уверенно один каяк за другим направляется на плоский берег, вздымаясь высоко на хребте волн. Их принимают женщины, вытаскивая каяки подальше на берег. Затем прибывают и те, что везут с собой добычу. Им приходится приступать к делу осторожнее; сначала они отцепляют свою добычу и следят за тем, вытащили ли женщины туши на берег; только тогда уже они сами идут к берегу. Охотники благополучно выбираются из каяков, но, как и те, что прибыли раньше, занимаются только собой и своим снаряжением, которое относят на место выше линии прилива. Охотники даже и не смотрят в ту сторону, где лежит добыча, — с этой минуты женщине надлежит взять на себя всю работу с ней.

Тем временем мужчины идут домой, снимают с себя мокрую одежду и надевают домашнюю, которая, как мы видели, когда-то была очень легкой, а теперь стала более заметной.

Но вот начинается первый прием пищи; однако охотники принимаются за еду как следует, когда новая добыча сварена и поставлена на большом блюде на пол, — тут вареное мясо и сырое сало исчезают в невероятном количестве!

Когда голод таким образом утолен, женщины, как всегда, садятся за какую-нибудь работу, шитье или что-то в таком же роде, а мужчины предаются вполне заслуженной лени, разве лишь займутся немного своим оружием, повесят просушивать гарпунный линь и т. п.

Охотники начинают рассказывать о событиях дня, а семья, в особенности мальчишки, с интересом слушает их. Рассказы сдержанны, без прикрас или попыток дать слушателям преувеличенное представление о трудностях, которые приходилось преодолеть, к чему мы, европейцы, в аналогичных случаях часто весьма склонны. Но такой рассказ очень ярок и красочен; он сопровождается жестикующей, отчего описание оживает еще больше.